

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В США В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА: ОПЫТ СРАВНЕНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДАВЛЕНИЯ В СТРАНАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО И КОММУНИСТИЧЕСКОГО БЛОКОВ

Нынешняя конференция посвящена памяти Татьяны Николаевны Щипковой. Она преподавала в стенах этого университета в середине XX века. Сегодня мы уже слышали подробный рассказ об этом времени и этой эпохе. Однако, как известно, ни один научный анализ нельзя считать объективным, если он выполнен в рамках только одной системы данных. Практически любое утверждение в исторической науке существует не само по себе, а в рамках более широкого, мирового исторического контекста.

В этом смысле нам представилось важным взглянуть на события середины века снаружи советской системы. Отсюда название нашего доклада. Вопрос: была ли уникальна сложившаяся в СССР система политических репрессий и идеологических гонений?

Для ответа на этот вопрос для начала надо сделать несколько оговорок. Мы исключаем из спектра рассматриваемых стран прямые диктаторские режимы: Китай времён Мао, Камбоджу времён Пол Пота, империалистическую Японию, Италию Муссолини и т. д. Нам также малоинтересны развивающиеся страны третьего мира (например, «банановые республики»), имевшие мало политического и идеологического влияния в мировой политике того времени. В данном случае наиболее продуктивным нам представляется сделать объектом нашего анализа США времён трёх президентов — демократов Рузвельта и Трумэна и республиканца Эйзенхауэра.

На протяжении XX столетия США не раз становились местом политического прибежища для эмигрантов и беженцев из СССР. Этот факт часто использовался в информационном противостоянии двух стран во время холодной войны. Картинка Америки в XX веке — страна свободы, в которой привечаются люди всех рас, культур и вероисповеданий.

На деле это утверждение не всегда было верным в первой половине столетия. Имя республиканского сенатора Джозефа Маккарти стало

нарицательным для обозначения политической нетерпимости и «охоты на ведьм». В середине 1950-х годов Маккарти возглавлял «Постоянный подкомитет по расследованиям» в сенате. Юрист по образованию, Маккарти быстро делал карьеру в судебной системе, пошёл добровольцем на фронт Второй мировой, а в 1946 году был избран в Сенат от штата Висконсин. 1946 год — разгар Корейской войны и начало холодной. В этот период мирового напряжения было достаточно легко разогреть волну антикоммунистической истерии. Риторика маккартизма — это риторика крайней ненависти и нетерпимости, которая при ближайшем рассмотрении порой поразительно напоминает риторику против «врагов народа» времён сталинских репрессий.

Однако сегодня мы бы хотели остановиться на менее известном событии, которое также явно противоречило провозглашаемым американским ценностям. Сенатский комитет, который возглавлял Маккарти, был не единственным подобным органом «идеологической чистоты» в истории Соединённых Штатов. В 1918–1919 годах работала комиссия Овермана, занимавшаяся расследованием коммунистической идеологии на фоне революционных событий в Российской империи. Среди выводов комиссии были предложения депортировать радикально настроенных иммигрантов и ужесточить контроль над публикациями на иностранных языках.

Похожие предложения озвучивал комитет под руководством конгрессмена Гамильтона Фиша, созданный в 1930 году. Его идейным преемником стал комитет, созданный в 1934 году в палате представителей под названием «Комитет по расследованию антиамериканской деятельности» (House Un-American Activities Committee). Его первый вариант возглавляли конгрессмены Маккормак и Дикштейн, а в 1938 году их место занял Мартин Диез. Для краткости в дальнейшем мы будем называть его «комитет Диеза». Он существовал и продолжал работать вплоть до 1975 года.

Чтобы отчётливо представить себе информационную и идеологическую картину 1930-х годов, необходимо иметь в виду несколько вещей. Во-первых, интеллектуальное пространство западного мира после Первой мировой и революций, которые за ней последовали, вдруг стало крайне идеологизированным. Мир стал ареной борьбы модернистских утопических проектов: американская мечта боролась с мечтой анархической, которая, в свою очередь, совершенно не переносила мечту коммунистическую и т. д. Всё это наложилось на факт резкого развития информационных технологий — радио, кино, чуть позднее — телевидения. Влияние СМИ и кино на публичную политику и формирование общественного мнения резко возросло, однако ни-

кто ещё не умел оказывать влияние на сами СМИ. Эти комиссии — слабые попытки оказывать на систему формирования общественного мнения прямое давление и осуществлять через них государственный контроль. Именно поэтому среди их целей в первую очередь оказывались деятели искусства, журналисты и политики — «лидеры мнений» (которые зачастую должны были явиться в подобную комиссию и доказывать свою невиновность или лояльность).

Задолго до появления маккартизма деятельность комитета Диеза оказалась очень выгодной как левому, так и правому спектру американской политики (в отличие от более позднего комитета Маккарти, который в основном поддерживался правыми политиками и который в итоге публично уничтожили левые). Левые боролись с нацистами, а правые — с коммунистами.

Однако, пожалуй, наиболее значительным решением комитета Диеза стало решение, принятое им в начале Второй мировой войны.

Перед вами так называемый Постонский релокационный центр, который существовал с 1942 по 1945 год. Он располагался на границе Аризоны и Калифорнии, в трёх милях от реки Колорадо, в пустыне Сонора. Летом средняя температура воздуха составляет около 40 гра-

дусов по Цельсию при очень высокой влажности из-за близости реки. Зимой температура опускается ниже 0, а пустыня часто порождает ветряные штормы, что делает этот участок земли практически непригодным для земледелия. Именно в этом месте в XIX веке находились резервации для индейцев, а сам центр был назван в честь Чарльза Д. Поста, первого суперинтенданта по делам индейцев в Аризоне.

Постон — один из дюжины концентрационных лагерей, куда после нападения Японии на Перл-Харбор были насильственно согнаны около 120 тысяч японцев, проживавших на территории США в тот момент, около 80 тысяч из которых были гражданами США. Идеологическое обеспечение этого процесса выполнял как раз комитет Диеза (им был подготовлен документ, известный как «Желтый доклад»), а организационное — Военное управление по вопросам переселения (War relocation authority — WRA). Официальной причиной было объявлено «недоверие к японцам», которые нуждались в перевоспитании и доказательстве своей лояльности государственному режиму и американским ценностям. Примечательно, что именно в стране, объявившей своим основным принципом в этнической политике «плавильный котел» рас и культур, поводом к заключению в концентрационный лагерь стала этническая, культурная и религиозная принадлежность целой группы населения.

«Мы верим в то, что лояльность растёт, только когда ей дают шанс на рост, и что она не может расцветать в атмосфере подозрения, дискриминации и лишения возможности её практиковать», — говорил один из руководителей другого лагеря под названием Манзар. Публично декларировалось, что для японцев выстроены целые города с инфраструктурой — школами, больницами и т. д., в которых они могут практиковать и реализовывать демократические принципы самоуправления. На деле все японцы делились на три группы — Нисеев (рождённые и учившиеся в США), Исеев (не рождённые и не учившиеся в США) и Кибеев (рождённых в США, но учившихся в Японии). К выборным должностям допускались только избранные руководством лагеря из числа Нисеев (которых остальные японцы называли «ину», т. е. «собаки»), а само WRA имело право вето на любое решение этих выборных советов.

Целью этих лагерей было отсеивание «лояльных» от «нелояльных», при соблюдении, впрочем, демократического политеза, что часто заканчивалось, наоборот, лицемерием. Так, например, дети, учившиеся в школах таких лагерей, должны были каждое утро клясться в верности американскому флагу и демократическим идеалам американской нации. Некоторых японцев, если им удавалось доказать свою «лояль-

ность» (часто посредством стукачества на «неблагонадежных»), отпускали. Однако для этого им нужно было заполнить специальный «опросник лояльности». Опросник определял «степень лояльности», в том числе вопросами культурного и религиозного содержания. «Американизированный» японец для своей «реинтеграции в общество» должен был отказаться от дзюдо в пользу бейсбола, изучения японского в пользу бойскаутов, буддизма в пользу протестантизма.

Конечно, прямое сравнение, скажем, системы ГУЛАГа и подобных концентрационных лагерей не всегда корректно. Однако нам всё-таки представляется возможным провести некоторые параллели между способами удержать единство идеологического дискурса в разных странах и разных режимах середины XX века. Очевидно, что в каждую эпоху существуют свои общепринятые (часто негласно) способы политического, идеологического, культурного и религиозного репрессирования. Часто настоящее различие заключается лишь в силе и размахе подобного давления. На смену концентрационным лагерям 1930-х и 1940-х годов во второй половине XX века пришла система государственного запугивания, лишения работы и статуса, публичного ostracизма, пионером которой стал сенатор Маккарти.

Жертвой именно такого непрямого типа репрессирования стала Татьяна Николаевна, которую мы сегодня вспоминаем. Мы говорим не только о тюремном сроке, но и о публичном шельмовании в СМИ, лишении степени кандидата наук и должности преподавателя, запрете жить в Москве или Ленинграде. Всё это было направлено на то, чтобы она в конечном счёте лишилась возможности делиться со своими студентами христианским мировоззрением — не потому, что она была недостаточной патриоткой СССР, а потому, что христианство не вписывалось в секулярную модернистскую утопию, идея которой лежала в основе советского государства.

Не вписывались в утопию американской мечты и японцы, отказывавшиеся насильно становиться бойскаутами или игроками в бейсбол, и в этом смысле противостояние двух идеологических систем XX века открывается с новых сторон.

Нам представляется практически полезным и актуальным более пристальное изучение англоязычной историографии по этой теме, ввод в отечественный научный оборот новых источников. Возвращаясь к началу нашего выступления, подчеркнём, что только соотнесение событий отечественной истории XX века с общемировым контекстом поможет глубже понять причины и следствия событий прошедшего столетия, в тени которых мы продолжаем жить.

УДК 8/9(082)
ББК 63я431+80я431
С48

**Русская экспертная школа
Смоленский государственный университет
Всемирный русский народный собор**

С48 Словесно-исторические научные чтения им. Т. Н. Щипковой. Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности : Сборник научных статей / Под ред. А. В. Щипкова. — Москва : Русская экспертная школа, 2020. — 144 с.

ISBN 978-5-6041154-4-2

Сборник представляет читателям научные статьи, которые подготовлены на основе тезисов, прозвучавших 17 февраля 2020 года в Смоленском государственном университете в рамках первых Словесно-исторических научных чтений «Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности». Это мероприятие было посвящено 90-летию со дня рождения Татьяны Николаевны Щипковой (1930–2009) — православной исповедницы веры, филолога и преподавателя факультета иностранных языков Смоленского педагогического института им. К. Маркса (в настоящее время — Смоленский государственный университет) в период с 1961 по 1978 год.

Контакты:
www.russian-expert.ru
mail@russian-expert.ru

Гравюра на обложке:
Смоленск. Собор, гимназия и Дмитровские ворота
(Рисов. на дер. Н. И. Соколов, грав. К. Вейерман)

ISBN 978-5-6041154-4-2

© Щипков В. А., 2020
© Русская экспертная школа, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Артеменков М. Н.</i> Приветственное слово. Преемственность поколений и ценностей в истории Смоленского государственного университета	5
<i>Исидор, митрополит Смоленский и Дорогобужский</i> Приветственное слово. Конференция памяти Т. Н. Щипковой	7
<i>Щипков А. В.</i> Приветственное слово. Жизненный путь Т. Н. Щипковой в контексте религиозной жизни в СССР	8
<i>Аристархов В. В.</i> О концепции культурно-образовательной политики	17
<i>Щипкова Л. В.</i> Т. Н. Щипкова и ленинградская грамматическая школа романистики	20
<i>Каиль М. В.</i> Отцы-основатели и рождение «советского университета» в Смоленске	27
<i>Перевезенцев С. В.</i> Историческое сознание: опыт типологизации	32
<i>Козлов Ю. В.</i> Литературный процесс и евангельские тексты	46
<i>Щипков В. А.</i> Постсекулярный поворот в современной гуманитарной науке	51
<i>Ковалёва В. С.</i> Традиции и сегодняшний день филологического факультета СГПИ — СГПУ — СмолГУ	55
<i>Гронский А. Д.</i> «Свои» и «не свои» войны в белорусском идеологическом дискурсе	59
<i>Власова Ю. Н.</i> Из истории кафедры французского языка СмолГУ	69

<i>Шевченко К. В.</i> Языковые и образовательные аспекты этнокультурной инженерии в Восточной Галиции в XIX — начале XX века	72
<i>Терещенкова А. А.</i> Мои учителя	92
<i>Павлова Л. В.</i> О чём говорят протоколы заседаний смоленских писателей 1970-х годов	95
<i>Романова И. В.</i> Из жизни смоленской интеллигенции 1960–1970-х годов (по воспо- минаниям профессоров филологического факультета СГПИ)	101
<i>Левшун Л. В.</i> «Аберрации адекватности» в современных учебных программах по гуманитарным дисциплинам	106
<i>Белютин Р. В., Баруздина С. А.</i> Международные научно-образовательные связи кафедры немецкого языка СмолГУ	117
<i>Бендин А. Ю.</i> Польское восстание 1863 года и национально-патриотическое пробуждение русского народа	120
<i>Щипков Н. А.</i> Политические репрессии в США в середине XX века: опыт сравнения инструментов политического давления в странах демократического и коммунистического блоков	132
<i>Матвеенков Д. В.</i> Ты — наша гордость! Иняз СГПИ, 1970–1990-е годы	137